

открытыми, паръ изъ нихъ валить клубомъ, а хоръ пьяныхъ дѣвицъ-арфянокъ хриплыми голосами пѣлъ современную дребедень русского города:

„Милка-душка, мой зазноба,
Ты доведь меня до гроба!
Дайте ножикъ, дайте вилку,
Я зарѣжу свою милку!
Милка-душка, мой секретъ,
Пойдемъ съ тобой въ лазаретъ..“

Дальше... Но что же можетъ быть дальше? Дальше пожалуй можно упомянуть, что въ городѣ, какъ водится, есть соборъ, присутственный мѣста, полицейскія части съ каланчами, городской садъ, пустопорожнія мѣста, немощенныя улицы, поросшія крапивою и т. п.

На слѣдующее утро Петръ Ивановичъ поднялся чуть свѣтъ и отправился хлопотать на счетъ продажи и ссыпки хлѣба.

Въ свое время вышелъ и я изъ дому, прежде всего въ лавку запастись кое-чѣмъ для деревни. Въ одномъ изъ магазиновъ встрѣтилъ жену исправника съ ея сестрою, дѣвицею уже въ годахъ, и получилъ приглашеніе обѣдать у нихъ.

— Мужъ въ уѣздѣ, мы скучаемъ.

Я отправился въ назначенный часъ къ нимъ и послѣ обѣда, когда „въ условіи“ пили кофе, хозяйка сдѣлала мнѣ такой вопросъ:

— У васъ, говорятъ, свадьба затѣвается?

Я думалъ, что вопросъ сдѣланъ о свадьбѣ Петра Ивановича; но какъ окончательнаго слова отъ Лапкина еще не было, я счелъ за лучшее уклониться отъ прямого отвѣта и спросилъ:

— Какая?

— Ахъ, такъ вы еще не знаете? А я, какая неосторожная, проговорила.

— Но въ чемъ же вы проговорились? Я полагаю, что свадьба обойдется безъ похищенія неvěсты; въ чемъ же секретъ?

— Положимъ такъ, — согласилась хозяйка, — а все-таки это пока тайна и вы, пожалуйста, ужъ никому не передавайте; мнѣ Марья Васильевна сообщила объ этомъ, на условіи никому не сказывать, но вы живете тамъ, для васъ во всякомъ случаѣ интересно...

— Если вы намѣрены рассказать о свадьбѣ, которая предполагается въ домѣ Лапкиныхъ, то не трудитесь: я о ней знаю. Только, дѣло это далеко еще не кончено.

— Не только не кончено, но можно сказать, еще и не на-